

Вет. Ленинград.
СЕГОДНЯ мы предлагаем вашему вниманию беседу с кинорежиссером А. Сокуровым, посвященную двум основным темам: гласности и межнациональным отношениям. Разговор состоялся 15 февраля и был приурочен к выходу на экраны киножурнала «К событиям в Закавказье». С тех пор произошли изменения. Страна обрела Президента. Состоялись выборы. Киножурнал 12 марта показали в «Пятом колесе».

Но проблемы, затронутые в интервью, остались — например, до сих пор не решен вопрос с беженцами. Некоторые мысли А. Сокурова у многих, вероятно, вызовут неприятие. Не со всем согласна и редакция «ВЛ». Например, с трактовкой проживания русских среди коренного населения. Однако мы публикуем материал — потому, что из него видно: Сокурову не безразлична судьба России. И во имя той гласности, о которой он говорит.

В кинотеатрах города смотрите журнал «Ленинградская кинохроника» № 5. Специальный выпуск. К событиям в Закавказье».

В нем — январские волнения в Краснодаре: митинг женщин у здания обкома с требованием вернуть дезертистов из Баку. Только очень беспечный или, наоборот, напуганный событиями в нашем городе человек спросит: какое отношение случившееся в Краснодаре имеет к нам? Но вот каким образом эта хроника оказалась на Ленинградской студии документальных фильмов, у режиссера Александра СОКУРОВА? И почему он, занятый совсем другой картиной на «Ленфильме», взялся за эту работу?

Таковыми были мои первые вопросы режиссеру.

— Кинооператор Краснодарского корпункта Ростовской кинохроники Михаил Шнурников, снимавший тот митинг и не уверенный, что на его студии материал будет толково использован, прислал его нам. Вместе с пленкой пришли местные газеты. Информация в них давала возможность поверить в то, что граждане — преимущественно женщины — одержат победу над властью, над государством (тем более, что она подкреплялась слухами об аналогичной победе жонских комитетов в Прибалтике). В итоге так и получилось.

Но материал был слишком формальным, замкнутым сам на себе, потребовался авторский комментарий...

— К нему давайте вернемся чуть позже, а пока — почему пленка пришла без звука?

— Как обычно в кино — снимает один человек, звук пишет другой. Мы предпринимали усилия, чтобы получить фонограмму, которой располагал редактор Краснодарского телевидения. Но руководителем его воспринял наши действия как государственное преступление. Мне говорили, что он пытался вмешаться в дело КГБ, намереваясь уволить своего работника, желавшего передать нам — советской киностудии! — запись шумов. Вот до какой степени руководство провинциального телерадиокомитета неадекватно собственному народу, поступающему нынче политически

более профессионально, чем люди, по долгу службы обязанные ориентировать население...

— В Краснодаре освещались эти события?

— Да, под давлением народа шли трансляции завершающей стадии митингов по местному ТВ. Но когда мы предложили тому же комитету наш фильм, получили ответ, что тема их больше не интересует. Это удивительно, ибо, я думаю, ситуация еще не исчерпана и не исчерпана Краснодаром.

— Итак, вы получили пленку...

— И сразу же обратился на Ленинградское телевидение с просьбой предоставить мне прямой эфир в «Пятом колесе»: материал требовал немедленного резонанса. Мне отказали... Тогда было принято решение делать фильм. Директор ЛСДФ Владимир Иванович Кузин всемерно поддержал. И за полтора дня мы — оператор Александр Буров (один из инициаторов этой работы), звукооператор Владимир Персов, монтажер Леда Семенова и другие — сделали то, что должны были сделать. Вот такое гражданское волеизъявление, если хотите...

— В данном случае вы работали и как первоклассный журналист. Почему же информации и выводов, которые вы были готовы предоставить обществу немедленно, общество было лишено?

— Потому что по-прежнему существует безусловная монополия на телеэкран — даже на таком интересном ТВ, как Ленинградское. Отсутствие альтернативных каналов, доступных обществу, — большой порок нашей ситуации. Кроме того... «Пятое колесо» настолько сейчас занято борьбой с внешними и внутренними врагами (вероятно, этот уникальный коллектив пытаются уничтожить),

что может не заметить усилий людей, которые помогают ему же. Борьба эта вынужденная, и я ни в коей мере не хочу бросать камни в «Пятое колесо». Я обратился именно в эту программу, имеющую определенный авторитет, определенную аудиторию и возможности. Но если даже мне, с моей вроде бы не политической репутацией и хоть какой-то известностью, не удалось пробиться в эфир, то что же говорить о людях не известных, для которых се-

годня смысл жизни — социальная, политическая деятельность?

— Обращались ли вы к председателю Ленинградского телерадиокомитета?

— С ним разговаривал директор ЛСДФ Кузин, когда фильм был уже готов. И получил отказ. Причина — некое централизованное распоряжение, которое запрещает в эфире какую бы то ни было информацию, кроме официальной, по межнациональным проблемам. Думаю, что в результате именно подобных распоряжений мы все время находимся — по отношению к каким-либо событиям — сначала в изоляции, потом в отсутствии точной информации, потом — информация коллестивной и в итоге — в запаздывании осмысления. В конце концов запрет на информацию приводит к проблемам длительного порядка. Потому что осмысление должно идти не только на уровне Горбачева, или правительства, или каких-то специальных служб. Оно должно идти — и идет — на уровне гражданского. Если мы имеем возможность узнать факты с разных сторон, если мы, имея доступ к средствам массовой информации, можем свою точку зрения высказать, — может быть, тогда и родится какая-то конструктивная идея. Пока же все видят, что ни информации, ни идеи нет...

— Мне кажется тем более странным недопущение фильма к эфиру, что речь в нем идет о проблемах в первую очередь жителей России...

— Да, именно так. Потому что применение войск в национальных конфликтах базово не осмыслено. Нынешнее положение России как супердержавы по отношению к маленьким державам-республикам не определено ни государственно, ни философски...

Происходящее сейчас в республиках ни в коей мере не является новостью для меня, и я даже думал, что действия коренного населения будут гораздо более жестокими. Мне уже приходилось много раз говорить, что поведение русскоязычного населения в республиках чрезвычайно далеко от идеала. И позиция этого населения во многих национальных конфликтах поэтому уязвима, претензии к нему справедливы: подавляющее большинство русских ма-

коена престижем своим в глазах остальных народов, то она обязана задуматься: сможем ли мы забыть убийство людей, списав все на экстремистов?

— Возможно ли было избежать ввода войск?

— Думаю, да. Вмешательство армии — результат бездействия политических сил. Ни в одной ситуации политический механизм — даже очевидный — не сработал. Пока события не приобретали кровавого характера, партийное

руководство в центре или на местах не шло на разговор с новыми политическими организациями. Народный фронт Азербайджана, например, просто оскорбляли в центральной прессе. А это была форма мирного политического самосознания: общественность давала знать руководству, что ситуация обострена. И вот она дошла до критической точки. Когда началась резня, нужно было сделать все, чтобы пресечь это республиканскими силами. Что, нельзя было вступить в немедленные переговоры с Народным фронтом Азербайджана? Сорентировать на контакт с ним местную милицию? По крайней мере, надо было поставить перед Верховным Советом вопрос о депортации всех армян и русских из Баку.

— Изменял ли что-нибудь выборы?

— Необходимо и переустройство Союза в целом — на основе новой федеративности, идеи Содружества Наций. До этой идеи, несущей определенную свободу, наше политическое руководство дозревает слишком медленно. Но... вот аналогия: змея в горящем лесу. Чтобы спастись — а она зацепилась хвостом за пылающее дерево — ей нужно быстро освободиться от старой кожи, выползти из нее, и все, и спасение есть — рядом ручей, вода. Она же делает это слишком медленно — и сгорает. И с ней сгорает жизнь — может быть, целый вид пресмыкающихся...

— В своем фильме вы обращаетесь прямо к Президенту...

— На самом деле, конечно, я обращаюсь к тем людям, которые — не истерически, не националистически — обеспокоены происходящим в России. И к тем, кто способен понимать: в России — если, так сказать, наводить порядок, то — лишь мирным путем. И не только потому, что в России нельзя это делать с помощью силы, просто нельзя. Все, все эти пути уже опробованы, и известно, к чему они ведут. Но и потому нельзя силой, что нет смысла в новой структуре государственной, если в подвалах новой власти будет плескаться кровь.

С 13 января — события в Баку.

С 18 января — митинги в Краснодаре.

23 января была получена кинопленка.

25 января фильм был готов.

С 11 февраля — события в Душанбе.

12 февраля копии фильма поступили в кинопрокат. С 27 февраля он — на экранах.

Всего десять минут, рассчитанные на немедленный показ и отклик, они — вслед или накануне?

Своевременны.

Ольга ШЕРВУД

Вслед или накануне?

ло или почти не интересуются культурой народа, среди которого живут, не знают языка... и среди русских очень много по существу расистов. Это довольно типичная русская болезнь, я не решаюсь сейчас обсуждать — приобретенная или она в крови...

Поэтому вопрос — кто приходит в шинелях и с оружием в среднеазиатский, в мусульманский мир, в котором, безусловно, просыпаются религиозное самосознание, религиозные амбиции, — очень серьезен. Не надо говорить, что этого нет. И ясно, что в этой ситуации совершенно бесхребетно ведет себя Русская православная церковь, никак не откликающаяся на события, не выходящая по своим каналам на контакты с мусульманским руководством. Казалось бы, происходит самое страшное, что должно обеспокоить православную церковь, как и церковь вообще, — убийство людей. Но мы ничего не знаем о противодействии церкви этому злу.

Конечно, меня в первую очередь беспокоит ситуация в России — я понимаю, что это остров, на котором плохо или хорошо, но пока еще тихо. Тишина эта может кончиться очень быстро в результате просто неразумности какой-то либо плохой игры в политику.

Гибнут соотечественники. Но и без последствий внутренних, в сознании, эти события не пройдут. Тысячи вернувшихся наших солдат, офицеров, членов их семей, увидевших бесчинства в Баку или Душанбе, не вернутся с добрыми мыслями. Этих людей потом трудно будет заставить верить, что мусульмане — наши братья. Какой урон мусульманской религии, всему мусульманскому миру! А подобная конфронтация недопустима. И если интеллигенция, скажем, Азербайджана обеспо-

коена престижем своим в глазах остальных народов, то она обязана задуматься: сможем ли мы забыть убийство людей, списав все на экстремистов?

— Ну да?

— Только в свои республики. Поселение турков-месхетинцев в российские села — бомба замедленного действия. Сейчас в России необходимо выработать государственную программу приема и размещения русских из всех республик (это, кстати, уменьшит напряженность в них), обратиться с призывом: давайте сообща восстанавливать Россию. Конечно, никого не надо заставлять — но все должны знать о возможности вернуться. Разумеется, все очень сложно. Но государственные структуры для этого необходимо создавать.

— А как решать вероятные национальные конфликты внутри РСФСР?

— Только опережающими экономическими и политическими действиями. Созданием определенных институтов для национального возрождения в гуманитарном смысле.

— Не поздно?

— В России пока еще — не поздно. Необходимо обеспечить свободное функциониро-